

НА ПУТИ К РЕФОРМЕ СИСТЕМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ*

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, руководитель проекта, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: vnporus@hse.ru

Культурно-историческая эпистемология – не только особая ветвь философских исследований науки, но и плацдарм реформы системы эпистемологических категорий, выражающих цели и ценности научного познания. Ее необходимость вытекает из характера развития современной науки. Консервация традиционных эпистемологических категорий, применяемых к анализу этого развития, приводит к грубому релятивизму. Эту опасность можно устранить, разработав холистическую систему эпистемологических ценностей, исходящую из принципа историзма и «коллективного» понимания субъекта научного познания. Оба эти основания позволяют раскрыть историко-культурную обусловленность процессов научного исследования и трансляции их результатов. Такие цели и ценности науки, как истина и объективность знания, имеют историческое измерение: они существуют только в процессе постоянного возникновения и уничтожения, подвергаясь воздействию культурных факторов. Коллективность субъекта научного познания определяется совместно с понятиями «трансцендентального» и «индивидуально-эмпирического» субъекта в соответствии с принципом дополнительности (Н. Бор), находящим эпистемологическую транскрипцию. Рассматриваются возможности политической субъектности науки в связи с эпистемологическими следствиями из причастности научных сообществ к политическим структурам и движениям.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология, истина, объективность, научная рациональность, субъект научного познания, политическая субъектность науки

TOWARDS THE REFORM OF THE SYSTEM OF EPISTEMOLOGICAL GOALS AND VALUES

Vladimir N. Porus – DSc in Philosophy, Research Project Supervisor. Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”. 1/36 Lyalin lane, bd. 2, 105062, Moscow, Russian Federation; e-mail: vnporus@hse.ru

Cultural and historical epistemology is not only a special branch of philosophical researches of science, but also the base of reform of a system of the epistemological categories expressing the purposes and values of scientific knowledge. Its need follows from the nature of development of modern science. Preservation of the traditional epistemological categories applied to the analysis of this development results in rough relativism. This danger can be eliminated, having developed the holistic system of epistemological values proceeding from the principle of historicism and “collective” understanding of the subject of scientific knowledge. Both of these bases allow to disclose historical and cultural conditionality of processes of scientific research and broadcast of their results. Such purposes and values of science as the truth and the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 в Русском обществе истории и философии науки.

objectivity of knowledge have historical measurement: they exist only in the course of continuous emergence and destruction, being affected by cultural factors. The collectivity of the subject of scientific knowledge is defined together with concepts of a "transcendental" and "individual and empirical" subject according to the principle of complementarity (N. Bohr) finding an epistemological transcription. The possibilities of political subjectivity of science in connection with the epistemological investigations from participation of scientific communities in political structures and movements are considered.

Keywords: cultural and historical epistemology, truth, objectivity, scientific rationality, subject of scientific knowledge, political subjectivity of science

Я, как и Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина, отношу себя к протагонистам культурно-исторической эпистемологии (КИЭ). О ней уже сказано и написано немало [Пружинин, 2009]. По крайней мере, достаточно, чтобы распознавать специфику КИЭ, отличая ее от социальной эпистемологии [Социальная эпистемология, 2010], исторической эпистемологии [Мегилл, 2007], «исторической школы» в философии науки (от Т. Куна, П. Фейерабенда и С. Тулмина [Структура и развитие науки, 1978] до Г. Башляра [Визгин, 1996]), а также других проводников «историзации» и «социологизации» эпистемологии [Bloor, 1991], [Latour, 2005] и др.). Но, хотя общие контуры КИЭ обозначены, продолжается дискуссия о ее основных понятиях и, что более важно, о целях, которые эта концепция имеет в виду в своем развитии.

КИЭ – развивающаяся концепция, а не застывшая магма идей, скорее уместная в учебниках и хрестоматиях, чем в дискуссиях с учеными, в том числе с историками, социологами и психологами, занимающимися процессами познания. Заметим, что в последнее время такие дискуссии почти замерли, а попытки их гальванизации исходят скорее от философов, тем самым поддерживающих свое реноме. Б.И. Пружинин не в первый раз отмечает эту тенденцию, объясняя ее увлечением эпистемологов «концептуальным конструированием» (т.е. построением отвлеченных объяснительных схем, которые на деле мало что объясняют в реальных процессах познания, особенно в науке), а также нарастающей тенденцией к неумной «социологизации» и «историзации» этих процессов, которая ведет к релятивизму, подрывающему идею «научного познания как рационального феномена культуры». Ученые вроде бы не желают равнодушно взирать на эту тенденцию, а потому, в лучшем случае, просто избегают дискутировать с философами. О худших случаях не стоит и говорить.

Причины тенденции различны, но главная – перемена целеположения науки: она все больше становится деятельностью, целью какой выступает успешное решение некой задачи (когнитивной, экономической или социальной). Б.И. Пружинин отмечает, что «в со-

временной науке нарушился баланс мотиваций – чрезвычайно значимыми в ней стали прагматические ориентиры, массив прикладных исследований сегодня резко перевешивает сферу фундаментальных» [Пружинин, 2009, с. 12]. Из этого перевеса вырастает опасность: научный разум, «включаясь в решение прикладных познавательных задач (будь то в сфере природных или гуманитарных технологий), теряет мотивацию, ориентирующую его на объективное и рациональное познание как таковое» [там же]. Опасность становится явной, если это ведет к феномену псевдонауки, который не может не вызывать негативного отношения к себе со стороны тех ученых, для которых методологический арсенал, ориентирующий на истину и объективность знания, является фундаментальной ценностью, а не набором инструментов, заменяемых по мере надобности. Отсюда их недоверие к философским концепциям, которые принимают за неизбежность такую ревизию эпистемологических ценностей, что их система становится аморфной и оппортунистической: главное – успех предприятия, остальное – средства его достижения. Более того, непризнание этой неизбежности, скепсис по отношению к гипертрофии прагматизма третируются как ретроградное мракобесие, философская некрофилия, предпочтение ушедших в небытие призраков живому целеполаганию в науке (и не только в ней).

Впрочем, какими лозунгами или инвективами ни воодушевлялись бы некоторые эпистемологи, они не могут отрицать, что вызовы, идущие от развития науки, еще не в полной мере осознаны. Предстоит понять, почему недавние (по историческим меркам) догмы относительно критериев истинности и объективности научного знания более не могут служить опорой в ответах на эти вызовы.

Не получается сформулировать адекватные современной науке эпистемологические критерии с помощью отвлеченных моделей научной рациональности, предлагаемых «реальной науке», исторические пути развития которой *post hoc* подвергаются «рациональным реконструкциям», по заветам И. Лакатоса. Отсюда рекомендации: эпистемологии следует погрузиться в живой контекст науки, чтобы уловить в нем процесс рождения этих критериев и превращения их в нормы и идеалы научного исследования. Ей следует жить одной жизнью с наукой, а не пытаться рассуждать о последней с позиции наблюдателя или наставника. Только так она могла бы отрефлексировать пути к истине и объективности, по которым наука шествует не по указке проводников, а убеждаясь в верности своего выбора, подтвержденно-го историей науки и ассимилированного культурной практикой.

Подход к решению этой задачи был предложен КИЭ. Как следует из названия, она исходит из того, что наука – культурно-исторический феномен и, следовательно, критерии научности (научной рациональности) являются продуктами становления этого феномена, осуществляемого в историко-культурном контексте, а не являются

априорными конструктами, определяющими научность и рациональность одинаковым образом во все времена. Этот принцип выглядит столь простым, что может показаться даже банальным. Но его протота лишь кажущаяся.

Будучи последовательно применен, этот принцип заставляет вновь задаться вопросом: что такое наука *per se*? Отличается ли она от иных форм интеллектуальной деятельности тем, что подчинена неизменным критериям рациональности, или же эти критерии, созданные ею для собственных надобностей, могут изменяться, когда исчезают одни надобности и возникают другие?

Здесь-то и призывается КИЭ. Она учитывает два обстоятельства. Во-первых, процесс общения между учеными (какими бы факторами он ни вызывался и ни корректировался) имеет исторический характер, у него есть прошлое, настоящее и, возможно, будущее, следовательно, есть логика преемственности, позволяющая вырабатывать перспективы рационального исследования, опираясь на достигнутые ранее результаты и их интерпретации. Во-вторых, этот процесс погружен в контекст культуры, подвержен влиянию соответствующих культурных факторов и, в свою очередь, способен воздействовать на эти факторы и на контекст в целом. Он должен приводить к формированию рациональных стандартов, форм, в которые отливается ход научного исследования и трансляции его результатов.

Критерии научной рациональности, связанные с требованиями истинности и объективности научного знания, исторически и культурно обусловлены. Здесь появляется призрак релятивизма, сулящий ценностное уравнивание несоизмеримых или противоречащих одна другой научных теорий. «При исследовании когнитивного релятивизма выясняется, что фактически существуют различные его смыслы: во-первых, абсолютизируется сам момент релятивности как изменчивости, неустойчивости, связанных с индивидуальными особенностями познающего, и именно в этом случае преобладают отрицательные оценки данного феномена как неплодотворной формы релятивизма; во-вторых, релятивизм понимается как обязательный учет обусловленности познавательной деятельности многочисленными факторами различной природы; и в этом смысле он предстает обязательным моментом как эмпирического, так и теоретического познания» [Микешина, 2002, с. 418].

КИЭ внутренне связана с релятивизмом в этом втором – положительном – смысле. Однако это рискованная связь. При некоторых условиях тень релятивизма в первом – отрицательном – смысле может падать на ее методы и результаты их применения. Как избежать этого риска или уменьшить его?

Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина ищут антитоты против «плохого релятивизма» и находят их, помимо прочего, в рекомендациях Г.Г. Шпета. Он предлагал трактовку научного знания, в которой оно

становится таковым за счет органического соединения процесса исследования с рациональной коммуникацией, направленной к пониманию, общему для всех коммуникантов. А это означает, что эпистемологическая теория необходимо включает в себя герменевтику как теорию познания, взятого в его культурно-историческом контексте. Искомое понимание достигается в сравнении различных интерпретаций научного результата; при этом релятивистский соблазн преодолевается обращением к значимым интеллектуальным традициям, успешному коллективному опыту, к методологической рефлексии, прозрачной и доступной для критики всех коммуникантов. На помощь могут прийти и другие инструменты, например формальные методологии или наукометрические данные, способствующие успешному выбору наиболее продуктивной и эффективной интерпретации. Хороша ли эта помощь, что именно она дает для понимания той или иной интерпретации – вопросы, не вполне ясные и требующие обсуждения. Очевидно только, что, внедрившись в историко-культурный контекст науки, эпистемология должна отделять плевелы от зерен, вычленяя именно те культурные факторы, которые содействуют (или противодействуют) пониманию того, что называют научным знанием.

Среди этих факторов КИЭ особо выделяет превалирующие в культуре ценностные ориентации ученых. Если они перекошены в сторону утилитарной прагматики, истина и объективность научного знания перемещаются в разряд инструментально трактуемых ценностей, а наука расстается со своей культурообразующей ролью. КИЭ не просто фиксирует эту зависимость, но выступает как терапевт культуры, указывая рецепты исправления названных перекосов.

Таково, вкратце, видение целей и средств КИЭ, представленное в обсуждаемой статье. На мой взгляд, оно нуждается в некотором прояснении и усилении.

Прежде всего нет уверенности в том, что даже самая лучшая, т.е. организованная в духе рационального критицизма, коммуникация ученых (откровенный «разговор», в котором они обмениваются своими интерпретациями) является надежной гарантией от «плохого релятивизма».

Во-первых, потому, что возможность такого разговора может быть подорвана определенными социокультурными (или антикультурными?) факторами. За примерами подавления и уничтожения таких форм коммуникации в науке и в философии не надо далеко ходить, достаточно вспомнить известные исторические факты. Были и, скорее всего, еще будут такие времена, когда более-менее устойчивое существование коммуникативных (пусть даже виртуальных) сообществ ученых, заинтересованных в общезначимости и открытости научного знания, является скорее исключением из обычного порядка вещей.

Во-вторых, потому, что в реальной жизни потребность в подобных коммуникациях ограничена у самих ученых их карьерными притязаниями, спорами о приоритетах, наконец, обязательствами,

взятыми из регламентов, идущих от финансирующих или властных структур. Поэтому идея рациональной коммуникации ученых должна быть признана идеализацией реального положения вещей. Следовательно, эпистемология, апеллирующая к такого рода идеализациям, должна быть признана теорией, идущей не от реальности, а к ней со своими представлениями о должном в науке. Если же она пожелает скорее учиться у науки, нежели поучать ее, от «плохого релятивизма» ей не уйти.

Тем не менее КИЭ прокладывает путь к «коллективному» понимание субъекта научного познания. Оно не сводится к констатации того, что ученые в определенных условиях имеют шанс общаться друг с другом, обсуждая те или иные концептуальные или экспериментальные проблемы. Речь о том, что в современной науке практически все значимые исследования происходят в рамках «мыслительных коллективов» (как правило, имеющих институциональное оформление), вся деятельность которых подчинена определенному «стилю мышления»¹, обусловленному не только когнитивными факторами, но всей полнотой соответствующего культурного контекста. Именно поэтому эпистемология обязана связать факт зависимости результата научного исследования от особенностей конкретного «стиля мышления» с требованием истинности и объективности этого результата. И эта связь должна быть принципиальный, а не эклектической, ибо в противном случае призрак «плохого релятивизма» начнет грозить пальцем незадачливому философу.

Как обеспечить такую связь? В свое время я предложил применить к проблеме соотношения различных (философски значимых) форм субъектности методологическую новацию Н. Бора – принцип дополнительности: содержание категории «субъект» раскрывается в «трансцендентальном», «коллективистском» и «индивидуально-эмпирическом» описаниях дополнительным образом, причем ни одно из этих описаний не является самодостаточным [Порус, 1997]; следовательно, категории «истины» и «объективности» осмыслены только при указании на стиль мышления конкретного мыслительного коллектива, но эти понятия также осмыслены только в отнесении к данным категориям, а следовательно, к их трансцендентальному и эмпирическому смыслу. Вероятно, возможны и другие подходы к решению этой задачи, которые еще предстоит найти.

Другой аспект реформирования основных эпистемологических понятий связан с принципом историзма. «Разве не исторична научная объективность?» – задает резонный вопрос И.Т. Касавин [Касавин, 2020а, с. 194]. Коротко отвечу: несомненно, исторична, причем это нисколько не умаляет значимости этой категории. Напротив, ис-

¹ Термины Л. Флека (Denkkollektiv, Denkstil), прочно вошедшие в эпистемологию и философию науки [Флек, 1999].

торичность является *conditio sine qua non* объективности, а значит, и истинности. В этом суть реформы, возможной на базе КИЭ: истина и объективность как ценностные ориентиры науки существуют только в процессе исторического возникновения и уничтожения, подобно птице феникс, жизнь которой и есть чередование стораний и возрождений из пепла. То же можно сказать о научной рациональности и других категориях эпистемологии.

Такой подход дает возможность исследования таких форм субъектности в науке, которые ранее почти не входили в зону внимания эпистемологии. К их числу, например, относится политическая субъектность. Вопрос, является ли наука политическим субъектом, чаще ставится в социологическом ключе и сводится к простейшей форме: могут или должны ли научные сообщества быть акторами политических процессов? Ответ бывает бесхитростным: ученые участвуют в политике, но это участие не входит в состав их исследовательской деятельности; они могут рассчитывать только на роль консультантов или входить в различные лоббирующие группы. Однако здесь есть и заметный эпистемологический аспект.

Если научное сообщество позволяет превратить себя «в замкнутую касту экспертов, готовых к самосохранению в ущерб правам личности и интересам общества» [Касавин, 2020б, с. 13], и обслуживает интересы правящей элиты, стремящейся сохранить власть во что бы то ни стало, пусть и за счет так называемой оптимизации социальных обязательств и авантюрной политики, то эта роль не может не сказаться на собственно научных исследованиях. Можно сколько угодно твердить, что подгонка методов и результатов под конъюнктуру политики искажает и уничтожает статус науки, превращает ее «во что-то иное». Суть дела от этого не меняется. Наука, какая она есть, а не какой ее желают видеть хранители и приверженцы прекраснодушного мифа о ней, формирует свои нормы и идеалы в очевидной зависимости от преобладающих культурных влияний. Просто сказать, наука такова, какой ее формирует историко-культурный контекст, и потому нет ничего удивительного в том, что ее эпистемологические характеристики могут приспосабливаться к этому контексту. Другое дело, что и сам контекст может меняться под воздействием науки и ее ценностей. Чтобы это изменение направлялось ценностями истинности и объективности научного знания, нужен сознательный выбор и волевые усилия научных сообществ, принимающих на себя бремя ответственности интеллектуальной элиты. И это есть, по существу, политический выбор.

Это говорит о том, что категории КИЭ образуют холистическую систему: каждая из них определяется всей системой, а будучи оторвана от нее, становится источником значительных трудностей. Впрочем, от трудностей эпистемология не будет избавлена никогда, и было бы странно ожидать чего-то иного. Их главным источником

является развивающаяся наука со своими социальными и культурными функциями. Отвечая на ее вызовы, КИЭ получает гражданские права в Философии.

Список литературы

- Визгин 1996 – *Визгин В.П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: ИФРАН, 1996. 263 с.
- Касавин, 2020а – *Касавин И.Т.* Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.
- Касавин, 2020б – *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 13. С. 3–14.
- Мегилл, 2007 – *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Микешина, 2002 – *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
- Порус, 1997 – *Порус В.Н.* Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–111.
- Пружинин, 2009 – *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.
- Социальная эпистемология, 2010 – *Социальная эпистемология. Идеи, методы, перспективы / Под ред. И.Т. Касавина.* М.: Канон+, 2010. 712 с.
- Структура и развитие науки, 1978 – *Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Сост. и ред. Б.Н. Грязнов, В.Н. Садовский.* М.: Прогресс, 1978. 488 с.
- Флек 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
- Bloor, 1991 – *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. 2nd ed. Chicago: Chicago University Press, 1991. 211 p.
- Latour, 2005 – *Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

References

- Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. 2nd ed. Chicago: Chicago University Press, 1991, 211 pp.
- Fleck, L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta. Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [Genesis and Development of a Scientific Fact. An Introduction to the Theory of Thought Style and Thought Collective]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 1999, 220 pp. (In Russian).
- Gryaznov, B.N., Sadovsky, V.N. (eds.) *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovaniy po filosofii nauki* [The Structure and The Grows of Science. From

the Boston's Studies in the Philosophy of Science]. Moscow: Progress, 1978, 488 pp. (In Russian).

Kasavin, I.T. (ed.) *Social'naya epistemologiya. Idei, metody, perspektivy* [The Social Epistemology. Ideas, Methods, Trends]. Moscow: Kanon+, 2010, 712 pp. (In Russian).

Kasavin, I.T. "Nauka kak politicheskij sub"ekt", *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2020, no. 7, pp. 3–14. (In Russian).

Kasavin, I.T. "Znanie i real'nost' v istoricheskoj epistemologii" [Knowledge and Reality in the Historical Epistemology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 7, pp 6–19. (In Russian).

Latour, B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 301 pp.

Megill, A. *Istoricheskaya epistemologiya* [The Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+, 2007, 480 pp. (In Russian).

Mikeshina, L.A. *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [The Philosophy of Knowledge: Polemical Essays]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2002, 624 pp. (In Russian).

Porus, V.N. "Epistemologiya: nekotorye tendencii" [Epistemology: Some Trends], *Voprosy filosofii*, 1997, no. 2, pp. 93–111. (In Russian).

Pruzhinin, B.I. *Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoj epistemologii* [Ratio serviens? A Sketch of the Historical and Cultural Epistemology]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 423 pp. (In Russian).

Vizgin, V.P. *Epistemologiya Gastona Bashlyara i istoriya nauki* [Gaston Bachelard's Epistemology and History of Science.] Moscow: IFRAN, 1996, 263 pp. (In Russian).